18+

НАЧНУ ЖИЗНЬ С ПОНЕДЕЛЬНИКА:

Путеводитель по прокрастинации

Белова Е.
Скубченко Ю.
Трофимов Р.
Руднева Д.
Колпакчи М.
Хамзин В.

Владислав Хамзин
Елизавета Белова
Дарья Руднева
Роман Трофимов
Юрий Скубченко
Мила Колпакчи

Начну жизнь с понедельника: Путеводитель по прокрастинации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71699575
ISBN 9785006554849

Аннотация

«Начну жизнь с понедельника: Путеводитель по прокрастинации» – это автофикшн-книга, написанная шестью профессионалами: психологами, психиатрами и психотерапевтами. Прокрастинация исследуется через рассказы-кейсы героев, прокрастинирующих все: от отдыха до личностного роста. Истории реальны и несут позитивную развязку. Читатели, воспользовавшись опытом профессионалов,

преодолеют разрушительную привычку откладывать важное и не ждать понедельника, чтобы жить и действовать.

Содержание

Предисловие 6
Мила Колпакчи 12
Миллион в кармане 12
Глава 1 12
Глава 2 18
Глава 3 23
Глава 4 37
Глава 5 49
Елизавета Белова 55
Предисловие 55
Молчанье на века 58
Глава 1. Мечта 58
Глава 2. Реальность 62
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Начну жизнь с понедельника: Путеводитель по прокрастинации

Авторы: Колпакчи Мила, Белова Елизавета, Руднева Дарья, Хамзин Владислав, Скубченко Юрий, Трофимов Роман

© Мила Колпакчи, 2025
© Елизавета Белова, 2025
© Дарья Руднева, 2025
© Владислав Хамзин, 2025
© Юрий Скубченко, 2025
© Роман Трофимов, 2025

ISBN 978-5-0065-5484-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Прокрастинация. Красивое слово, не правда ли? Оно очень необычное, даже модное, привлекает внимание. Какие ассоциации вызывает это слово, когда вы произносите его вслух?

Не обязательно отвечать на этот вопрос, это лишь размышление. А вот книга, которую вы держите в руках – откровение.

Её авторы много работали над своими чувствами, изучали материалы, читали книги, статьи, смотрели фильмы, ходили на кураторские встречи и обсуждали с коллегами свои идеи, делились своими мыслями. Все дело в том, что этот феномен ещё мало изучен, поэтому работы было много. Особенно сложной она была ещё и потому, что формат этой книги – как исповедь. Задача авторов была показать прокрастинацию через личную историю: как они её проживают, что они чувствуют, как решаются пойти в конфронтацию с ней. Задача очень интересная и полезная для читательского опыта, ведь через истории главных героев, через их эмоции мы проникаемся гораздо больше, мы чувствуем больше, и в памяти тоже больше остаётся. Мы плачем, боимся, сопереживаем и обновляемся вместе с героями. Мы получаем возможность прожить все эти моменты с ними, проследить их размышления, выводы – и разделить с ними их эволюцию. Что

особенно ценно – эти события и чувства настоящие, невыдуманные, авторы делятся тем, что сами переживали или переживают до сих пор.

Итак, дорогой читатель, слышали ли вы фразу, что у бога нет рук, кроме тех, что он дал вам? Ваших? Никто не вытащит вас из прокрастинации по волшебству, вам придется взять на себя ответственность за свою жизнь, и первый шаг здесь – разобраться, в чем причина того, что вы прокрастинируете.

Но прежде всего важно понять, что прокрастинация не возникает на пустом месте. В основе таких состояний, когда не хочется и «не можется», могут лежать очень серьезные причины. Например, серьезные психологические травмы, когда психика замирает и не дает двигаться вперед, и тогда важно понять, что ваша ответственность – это довести себя за руку до психолога, который поможет справиться с болью. Другая причина – депрессия, которую нельзя недооценивать, чтобы не превратить свою жизнь в пыль – и тут, читатель, тот же совет: брать себя за руку и вести к психологу. Возможно также, что жить активно, работать и достигать целей вам мешают детские импринты или семейные сценарии, тогда надо серьезно задуматься о том, как переписать собственный сценарий – самостоятельно или опять же с помощью специалиста. Кроме перечисленного, существует еще и обычная, всем знакомая усталость, когда человек никак не поднимется до состояния «в ресурсе», чтобы сделать то,

что на самом деле очень хочет – тогда, разумеется, для начала эту усталость хорошо бы осознать, принять и наконец-то дать себе отдых буквально как спасение.

А в этой книге мы сосредоточили внимание на невротической прокрастинации. У вас будет возможность посмотреть, как люди прокрастинируют работу, личностный рост, развод, финансы. Вы попробуете понять, как с этим быть, откуда вообще берётся прокрастинация. А может быть, вы сейчас сидите на удобном стуле или диване, эту книгу вам подкинул какой-нибудь знакомый, а ему – его знакомый, который купил её случайно и не знал куда пристроить. И вот теперь она у вас, и вы думаете: а зачем она вам? Ведь у вас все в полном порядке! Вы счастливо женаты/замужем, у вас дети, работа, хобби какое-то есть, но вот чувства удовлетворения нет. Возможно, вам давно предлагают повышение, а вы упорно отказываетесь, но не понимаете, по какой причине. Вроде бы вы соответствуете всем социально одобряемым нормам, но чувствуете, что с вами происходит что-то не то. Может быть, вы давно замужем, но отчего-то внутри дыра размером со вселенную… Может быть… Может быть…

Вот здесь-то вам и может пригодиться наша книга. Привет, прокрастинация личностного роста или, быть может, прокрастинация работы? Не будем открывать все карты, у вас в руках целая книга, чтобы это понять!

Мы можем делать целую гору разной работы или зависать в социальных сетях, коротая время, мы можем всю жизнь

прожить в иллюзии, что что-то да и делаем, но испытывать недовольство собой и бездействовать. Часто просто потому, что рутина-трясина засасывает; потому что надеемся, что само-собой все рассосется или придут на помощь медведь и пантера; потому что в глубине души боимся, что не заслуживаем лучшего образа жизни; потому что элементарно пренебрегаем здоровьем и питанием, и мозгу элементарно не хватает топлива, чтоб жить на полную катушку и радоваться; потому что не знаем, куда идти дальше или с чего начать – но чаще всего потому, что живем очень одиноко, даже если вокруг близкие, путая самостоятельность с одиночеством и не надеясь на поддержку других. Герои всех рассказов нашего издания часто находятся в таком положении: даже если рядом мужья-жены или друзья-приятели-коллеги, людям никак не удается вырваться из плена одиночества, будто кто-то заколдовал их и заставил бегать по кругу в стеклянной банке. Что еще их объединяет? Наконец-то пришедшее чувство, что жить в банке они больше не хотят и не могут, понимание, что если они поддадутся рутине и не сделают ничего для себя, их жизнь бессмысленно и бездарно канет туда, откуда не возвращаются.

Этой книгой мы хотели показать, как разбить одиночество и перестать прокрастинировать. Показать, что на самом деле вы не одиноки, что в мире много людей, которые не понимают, как им выбраться из сложившейся ситуации, где найти силы, чтобы прервать порочный круг, как сделать так, что-

бы быть наконец счастливым и на своём месте – и решают эту проблему. Первые шаги – это честно сказать себе, что больше вы так не хотите, это право слышать настоящего себя, которого так часто задвигали на второй план, и это право прожить свою настоящую жизнь, а не то псевдосуществование, которое навязывают нам рутина, лень и трусость. Только не ругайте себя, не подгоняйте к взятию рекордов – помните, «Поспешишь – людей насмешишь», и, сорвавшись, можно увязнуть в болоте прокрастинации еще глубже.

Измените сначала хотя бы немногое, отложите скроллинг и прочие занятия, за которыми прячетесь от себя настоящих, поверьте, что вам нужно лучшее, чем то, что вас вымораживает и не дарит ни минуты радости, ищите то, что вас порадует. Мозгу все равно, победите ли вы в олимпиаде или просто наконец погуляете в парке, ему просто, как кислород, нужен правильный дофамин. В ваших силах дать себе это чувство победы: шаг за шагом к лучшей жизни в мелочах и прямо сейчас. А там и целеполагание появится, и знания по биохакингу, и настоящие любовь, дружба и дело.

Читайте. Надеемся, что опыт героев, описанных психологами, поможет начать двигаться к лучшему. Авторы поделились не только своими историями, но и полезными советами, которые вам помогут преодолеть тот или иной вид прокрастинации и взять наконец своё время и свою жизнь под контроль.

Давайте приступим. Приятного чтения!

Ждём ваши отзывы на интернет ресурсах,

Медведь и пантера (Команда проекта)
Мила Колпакчи

Мила Колпакчи

Миллион в кармане

Глава 1

Наташа еще толком не проснулась, а рука тут же сама потянулась к телефону. Привычно открылись маркетплейсы и сайт ЦУМа. Отличные новости: новое платье и сумка уже в пути, новый телефон – тоже в пути. Мурашки поползли по телу: шуршащая бумага, под которой прячется гладкая кожа; запах нового телефона: пластмасса и что-то такое особенное из мира дорогих женщин.

– Скоро это все будет у меня! – подумала Наташа с вожделением и потянулась, окончательно просыпаясь.

Денис пропал, второй день он не выходит на связь: в сети бывает, но не пишет. Вот и сейчас она привычно проверила: время последнего посещения What's App: 7.35. Видимо, проснулся и отправился по какими-то своим делам. Под ложечкой у нее засосало противно и тонко.

– Похоже, я опять упустила богатого жениха, – подумала Наташа с отчаянием. – Так, что я знаю про Дениса? Что у него своя фирма, лишний вес и крутая куртка из последней

коллекции «Armani». Я знаю, что он тратит деньги направо и налево в ресторанах и на странных ребят, которые типа нуждаются в его поддержке… Что он зарабатывает миллион в месяц. Миллион!

Когда Наташа узнала об этом, то Миллион как будто улыбнулся ей и подмигнул: « Натаха, не боись, твоим буду!»

«Почти ее Миллион» вдохновлял Наташу всю ту неделю, что она встречалась с Денисом, манил и уговаривал: подруга, тебе необходимо новое платье, а лучше три, вот эти красивые сережки, курс антицеллюлитного массажа, новый телефон и туфли. «Почти ее Миллион» потратил вместе с Наташей всю зарплату за апрель в кратчайшие сроки, снисходительно улыбаясь в лучах будущего солнца Сейшельских островов, куда они с Денисом обязательно поедут.

Ведь богатый мужчина просто обязан содержать свою красивую девушку и возить ее на далекие и прекрасные пляжи, ну ведь верно? Эта мысль грела Наташу, ведь все происходящее было так похоже на честную сделку, на обещание. Она Денису – себя, он ей – денежки.

То, что после секса Денис пропал, было как-то неожиданно, странно и обидно. Потому как все ходы у нее были разыграны по правильному алгоритму: три свидания, на третьем – постель. Но Денис с его миллионом оказались пронырами и утекли через какую-то неизвестную брешь в ее четкой схеме.

Пустота и беспомощность привычно окутали Наташу хо-

лодными и скользкими щупальцами. Поежившись, она обхватила себя руками, раскачиваясь из стороны в сторону… Надо будет написать Денису, ведь мало ли что. Вдруг это сообщение все изменит, всякое же бывает! Надежда на это немного взбодрила ее, и она начала ерничать, мысленно представляя себя на сборе анонимных неудачниц, кем она себя так остро чувствовала в этот момент: «Разрешите представиться: меня зовут Наташа. Мне тридцать один год, и я опять пролетела мимо парня и денег. Я Наташа, и я неудачница».

Наташа состроила страшную рожу этому невидимому, но явно сочувствующему обществу неудачных охотниц на Дениса и улыбнулась.

Звонок от мамы выдернул ее из этого состояния… Что за утро! Редкое утро может быть хорошим, если оно начинается с мамулиного нахального и бодрого голоса:

– Дочь моя! Как ты там?

Знакомая патетика и привкус драмы вместо утреннего кофе. Наташа ответила сквозь зубы:

– Хорошо, мам.

– Как твой новый парень? Уже подарил тебе кольцо?

– Ма-ам, ну какое кольцо, о чем ты!

– Ну как – какое? С бриллиантом! То, которое мужчины дарят своим красивым женщинам! Помню, Арсен, когда ухаживал за мной, водил меня в самые дорогие рестораны, по-

дарил мне кольцо с бриллиантом и браслет, ну ты его помнишь, с такими еще синенькими камушками, я его в девяностых все время закладывала в ломбард, а потом… Ну, так и не выкупила… Да ладно, что теперь. Зато оно было… И все это было: ах, какое лето, какой мужчина!

Мама шмыгнула носом: в той халупе, где она сейчас жила, было сыро и она вечно простужалась.

Наташа до сих пор не могла понять, как получилось, что у ее мамы – красотки и кокетки – такая бедная и маленькая квартирка где-то на окраине города? Как мама из гордячки, повелевающий мужчинами взмахом ресниц, превратилась в существо, собирающее бутылки по помойкам, чтобы опохмелиться, и магазинный просрок, чтоб покушать? Бог – или кто там вместо него – дал ей здоровье: мало кто мог бы сказать, что у Наташиной мамы есть проблемы с алкоголем, если бы встретил ее подальше от мест ее привычных прогулок по задним дворам магазинов, и если б она не воняла. Но факт остаётся фактом. В светлые промежутки между запоями она часто общалась с Наташей, рассказывая ей о своем бурном прошлом и пытаясь занять у нее «до пенсии» на квартплату или на опехмелку. Пенсию она не получала, и Наташа знала об этом, но играла в эту игру, где мамуля – приличная пожилая дама и ходит раз в месяц получать пенсию, как и все остальные приличные женщины за шестьдесят. Главное, не видеться с ней. Все равно помочь нечем, а позора не оберешься. Еще увидит кто, и плакали тогда На-

ташины шансы на приличного мужика…

Отчего так произошло?

Как получилось, что мать теперь практически на дне? Наташа вспомнила заветы мамули:

«Найди богатого мужчину и будет тебе счастье!»

«Деньги – это то, что приносят мужчины в жизнь женщины!»

«Деньги – это ключ к роскошной жизни!»

«Женщину женщиной делает цена сумочки, которую она держит в руках!»

Наташа подумала, что интересно другое: в этой истории деньги все равно какие-то миражные. Вот у вас все хорошо, и мужчина щедро делится денежками и балует вас в меру своей фантазии. А вот – бац! – и наоборот: как только маминого Арсена на измене поймала жена, то сразу и все: хана деньгам и всей этой роскошной жизни. А что остается? Воспоминания да странное противное чувство, которое Наташа не могла сформулировать, но порой испытывала после секса, когда парень вдруг от нее отворачивался…

Наташа вспомнила мамулину маму, бабушку Надю: ее история была похожа на мамулину. Но за исключением, что бабушка всю жизнь была замужем. Но что с ней было в этом браке! Дед Матвей разве что проституток в дом не водил. И никто бы не сказал, что этот прихрамывающий, благородный и статный мужчина с седыми усами и кителем в орденах – бабник и скандалист.

Ну да. Что там, у бабушки, зависимость от мужчин и их причуд, что здесь, у мамули.

Наташа вздохнула: в отличие от нее самой, дед всегда был при деньгах, он знал как ими распоряжаться и куда вкладывать. А ей-то у кого было учиться? У мамули, которая ни дня не работала, тратила деньги своих ухажеров, как фантики, а теперь крысятничает по помойкам и вечерами караулит у задних дверей магазина, когда вывезут к мусоркам просрок?

Наташа вспомнила свои попытки вложения в акции, вспомнила, как вкладывала в банке деньги под проценты – надолго ее не хватало никогда. Только она соберется положить деньги в банк – сразу обязательно что-то случалось тяжелое: то она ногу сломала, то в аварию попала с серьезными последствиями, то, как тогда Ашотик, который так хорошо ухаживал и обещал увезти на Кавказ и жениться, сразу после секса сказал: «Э, а теперь иди, откуда пришла!» и сунул сто баксов ей в лифчик…

Заметила она интересную штуку: как только у нее появляются деньги и возникает мысль их сберечь или вложить куда-нибудь под проценты, она начинает тревожиться. Места не найти, постоянно ноет то живот, то зубы… Не иначе тревога ее так крутит, и предчувствие чего-то нехорошего, как облако, окутывает Наташу, погружая ее туда всю от макушки до пяток.

И не зря, кстати: после этого обязательно случается

неприятность…

Поэтому откладывать деньги – вовсе не Наташин конек. Она даже заметила, что старается как можно быстрее потратить деньги, будто они жгут ей руки. Ноги, прямо против воли, сами несут ее в магазин, а если их скрутить в морской узел, тогда руки так и лезут в телефон и заказывают, заказывают… Благо сейчас сайтов с вещами пруд пруди. Прям проклятие какое-то!

Наташа работала в тренинговом центре и как ведущая зарабатывала очень хорошо. Но вот нюанс: коллектив на работе был молодой и девичий. И все разговоры крутились вокруг мужчин: кто с кем в отношениях, какие подарки кому сделали, кто на какой машине ездит. И даже складывалось впечатление, что это некий рынок, где задача – выгоднее себя продать. А как именно, дело десятое. Поэтому заработки девы тратили на себя, чтобы завлечь богатых женихов. Наташа тоже не пропускала подходящих парней и клювом не щелкала…

Наташа вздохнула: какие уж тут накопления, при таком-то раскладе!

Глава 2

Вторник – тоже день тяжелый, но… Уже привыкаешь к тому, что рабочая неделя берет свое.

Клиенты, коллеги, дорога до работы – привычная кару-

сель вертелась, и Наташа уверенно сидела на своей розовой лошадке, кружась вместе со всеми.

Денис так и не появлялся, и к чувству досады прибавилась еще и тревога: надо было как-то дожить до конца месяца, деньги-то Наташа потратила практически все, а на кухне в шкафу полпакета гречки и засахарившееся позапозапрошлогоднее варенье.

Тоскливо ей было, неуютно. Когда к ней приходили такие мысли, она себя чувствовала маленькой девочкой, по ошибке попавшей к маме на работу и более того – принятой туда в штат. Эта жизнь, как мамины туфли когда-то, была ей сильно велика.

«Что же делать и как быть?» – эти мысли бегали по кругу, как заведенные, и их важно было отвлечь, перенаправить на другое, чем-то занять голову. Наташа ушла в работу: нужно было готовиться к новому тренингу.

Неожиданно во время обеденного перерыва она получила сообщения от Андрея, безнадежно в нее влюбленного последние лет десять: «Привет! Загляни в почтовый ящик!» Наташа полезла в джимейл, ничего там не нашла, однако вспомнила, что Андрей – «старовер», как она его называла, и что почтовый ящик, скорее всего, тот самый, настоящий, деревянный, в ее подъезде.

– Ишь, никак, весеннее обострение у парня, – подумала заинтригованная Наташа. Андрей ей категорически не нравился, но ведь его ухаживания и сюрпризы всегда подни-

мали настроение… А она сейчас нуждалась в этом как никогда. Вечером, усталая, с гудящей головой, уже поднимаясь по лестнице к квартире, Наташа вспомнила про письмо от поклонника.

– Да что же такое, – пробормотала она с досадой и стала спускаться по лестнице обратно на площадку, где были почтовые ящики.

Андрей был в своем стиле: он старательно утрамбовал маленький букетик живых цветов в щель для газет. Как ему это удалось только!

– А главное – зачем? – проворчала себе под нос Наташа, брезгливо вытаскивая нарциссы за помятые лепестки.

Затем из недр ящика достала голубой конверт с билетами в театр – ох уж эти староверы!

И тут ее внимание привлек еще один конверт, лежащий в самой глубине. Наташа достала его, ожидая, что это реклама, но конверт был пожелтевшей и пухлый, на нем было написано ее имя и адрес. «Интересно, от кого это? И кто ещё пишет такие письма?» – Наташа терялась в догадках. Родственников, с которыми бы она общалась, кроме мамули, у Наташи не было. Кто бы мог это написать?

Она поднялась на свой третий этаж, открыла дверь в квартиру, повесила ключи на вешалку, и там же, в прихожей, не снимая обуви, села на скамеечку и открыла пожелтевшее письмо:

Дорогая моя девочка!

Тебе уже исполнилось пятнадцать, ты почти невеста, по крайней мере, так говорила моя бабка. А это значит, тебе пора получить то, что тебе причитается. Это кольцо, которое дает женщине нашего рода самое необходимое и нужное в тот момент, когда она его надевает. Так сложилось, что передается оно женщинами нашей семьи от самой старшей к самой младшей, это уже традиция.

Времена всегда у нас сложные: войны, революции, репрессии. Но, несмотря на все это, носили мы наше кольцо, не снимая, на указательном пальце правой руки и прятали в исключительных случаях. Мне это кольцо досталось от моей мамы, а ей от ее… Знаю, что этому украшению больше трех веков, поэтому береги его. Когда случится у тебя смутное время, с большим количеством вопросов или с одним, но с главным – воспользуйся кольцом и вспомни свою бабку Анну.

P.S Я печалюсь о тех годах, что мы не виделись и не общались с тобой, но я надеюсь, что твоя мама рассказала о причинах, которые к этому привели.

Очень любящая тебя – бабушка Анна.

Наташа долго сидела в прихожей, ошарашенная и заинтригованная, пытаясь прийти в себя. Бабушка Анна? Кто это? Мать отца? Вообще вся история об отце была полна за-

гадок и недосказанностей, а про его родителей, ее бабушку и дедушку, Наташа вообще ничего не знала. Знала, что родители встречались, а потом отец, «негодяй», как водится, бросил мать беременную. Поэтому все, что она от матери слышала, была ругань в сторону отца и коронная фраза, которая за ней обязательно следовала: «Про этого подлеца я вообще ничего рассказывать не буду!»

А тут вдруг бабушка какая-то… Да ещё и поздравления с ее пятнадцатилетием. Это же уже шестнадцать лет назад было! Полжизни! Получается, она только что достала из почтового ящика письмо, которое ждало ее половину лет из тех, что она уже прожила? Что за мистика, что за ерунда!

Она аккуратно вытащила из письма кольцо, которое легко, словно само, пошло ей в руки. Было оно серебряным, потемневшим от времени, с какими-то резными серебряными веточками. Если его почистить, то его вполне бы могла носить какая-нибудь богиня плодородия, не иначе. Девушка надела кольцо на указательный палец. Любуясь этим изящным украшением, дошла до кровати и присела на нее в задумчивости.

– Сложное время у меня – сейчас, это точно. И вопрос без ответа пока один: могу ли стать хозяйкой миллиона? И вопрос хорош, прям на миллион!

Она хмыкнула получившемуся каламбуру. Хорошо, пусть так и будет: она надела кольцо на указательный палец, прикрыла глаза и спросила вслух:

– Как мне стать хозяйкой миллиона, баба Аня?

Глава 3

Наташа проснулась от резкого тычка под ребра. Холодно, как же холодно было ей! Опять отопление отключили, что ли… С ноутом она заснула, что ли… Ну что такое ей тычет в бок, непонятно. Пахнет как-то странно, пылью, сеном, что ли…

Тычок повторился.

– Вставай, девка, вставай!

Какая-то женщина в серой одежде бегала вокруг нее и собирала вещи.

– Где я? – Наташа закрутила головой, поднимаясь с какого-то тюфяка. Она была в избе – небольшой, темной, странно пахнущей.

Вещи здесь все были сдвинуты, сундук распахнут, лавка перевернута, одежда и горшки валялись прямо на полу: видно, что в спешке серая женщина не думала о порядке.

– Да шевелись ты, дуреха, бежим! – зашипела женщина, сунула ей в руки какой-то увесистый мешок, дёрнув очередной раз: – Слышишь, скачут уже, здесь они!

За окном и правда послышались мужские голоса и топот копыт.

– Ничего не понимаю, сон какой-то дурацкий, – проворчала Наташа и крепко себя ущипнула, но ничего не произо-

шло.

Изба, мешок в ее руках, женщина с умоляющим, испуганным видом толкающая ее куда-то.

– Ну сон, так сон, значит, побежали, – решила Наташа и выскочила в сени вслед за женщиной, а потом и на улицу. Мокрая трава ожгла холодом, камешки и сор укололи болью. Но вернуться и найти обувь времени не было. Женщина уже бежала через огород, перескакивая грядки с капустой.

Паника, царящая вокруг, подхватила Наташу: она слышала, как мужские голоса за домом, на улице, отдавали какие-то приказы и как там кричали и визжали женщины. Ржание лошадей, треск чего-то деревянного, крики детей, мычание коров – все слилось в одну какофонию.

Она долго бежала за женщиной огородами, потом через высокую траву и кустарники. Уже смеркалось, она плохо видела дорогу, исколола все ноги – да разве во сне бывает так больно?

Женщина оказалась быстрой: еще бы, жить захочешь – побежишь, и больше всего Наташа боялась отстать, упустить ее из вида. Они бежали через кусты и канавы, минуя поля, перелески, овражки, и наконец уже совсем без сил упали на мох в небольшом лесу. Когда отдышались, Наташа потрогала босую подошву, стерла кровь с мизинца и задала вопрос, который мучил ее с самого начала их марафона:

– Да что случилось все-таки? От кого мы бежали?

– Ой, девонька, – вздохнула женщина. Голос у нее был

какой-то молодой. – Ты, конечно, в недобрый час осталась в нашей избе на ночь. Слышь, косу-то заплети, негоже девке так, лахудрой-то, бегать… Со сна-то уж ладно, с испугу-то, а сейчас уж прибери волосы-то, а то увидит кто, греха не оберешься…

Наташа послушалась. Кое-как разобрала волосы на пряди и, вспоминая начальную школу, попыталась заплести косу. Не вышло. Женщина смотрела на нее как на больную:

– Ты что, не умеешь? Ой… А может, ты сроду кос сама себе не плела? Ты барышня, что ль? Вон ты какая нежная, белая… Ножки-то вон шелковые, да и ручки лилейные… Прячешься от кого, небось?

– Да я вообще по жизни, кажется, заблудилась. А у вас-то что тут творится? Война? Восстание Емельяна Разина?

– Чего? Господь с тобой, «война», скажешь тоже… Не дай бог.

Когда бежали из избы, Наташе показалась, что женщине лет пятьдесят. Сейчас при закатном солнце она увидела, что та – ее ровесница, если не моложе, просто лицо темное от загара, обветренное, и загрубевшие руки. Ее бы в салон, на СПА-процедуры – стала бы красавицей… Вот что страх с людьми делает, – удивилась Наташа, продолжая как бы невзначай разглядывать свою попутчицу. Да и одежда эта, как серый мешок, полнит и старит.

– Ну что смотришь? Горе луковое, – усмехнулась женщина. – Ну-ну, девка, не кручинься. Давай заплету, неумеха, –

она быстро пересела за Наташу и скоренько принялась заплетать ей волосы в тугую косу. Перетянула какой-то тряпочкой. – Вот, все. Волосы-то у тебя какие шелковистые… Как тебя кличут-то? Ты вчера мне говорила, да запамятовала я, уж больно напугалась сегодня.

– Наташей меня зовут.

– Хорошее имечко, божеское, значит: «Родная»… А меня Глашей зовут, Глафирой – величают. Ты сама-то откуда, Наталюшка? Какая-такая беда тебя с места согнала, что меж двор бродишь, да еще с кольцом таковым на руке? Может, ты беглая какая? А что? Мож, кто побаловал с тобой, барышня, да ты от греха – в бега? Ну ладно, ладно, не мое дело…

– Ты лучше расскажи, что тут у вас стряслось, а то не было б хуже… А то мне своих проблем хватает.

– Проб… чего? Точно ты не нашей породы, девушка. Ладно, чего стряслось-то… Да дела какие-то темные творятся. С чего бы начать… Барин наш, старый совсем был, помер в том году. Барыня пережила его только на три недели, болела она все, чахотку у нее нашли…

Наташа заскучала. Она даже школьную программу по литературе не читала, если там начиналось про всякое-такое: баре, крестьяне, записки охотника, отмена крепостного права, Андрей Безухов… Все равно что фантастику читать: ну их, выдумки эти. Но дальше пошло поинтересней.

– А молодой-то барин, сын их единственный, как вступил в наследство, и так-то был слаб умом, а тут совсем тронулся:

профукал, проиграл все наследство, что от отца ему досталось, задолжал всем соседям, имение закладывал-перезакладывал. Да ещё и тетушку свою надоумил: она все свои драгоценности какому-то колдуну заезжему отдала. Поселила его в поместье, как родного брата, а он за это головушку ей морочил, ой, морочил, да не только ей одной – барыням из соседних поместий тоже. Видать, или скучно им, не пойму, или правда колдун он, околдовал их… Они-то, барыньки эти, давай тоже колдуну колье да перстеньки-сережки с изумрудами возить. Слышала, что обещал он им сокровища неизмеренные, египетские, – Глафира перекрестилась. – А вчерашнего дня, крадчись, уехал колдун поутру, да со всеми драгоценностями. Обманул и барыню, и соседей…

Так им и надо, дурам. Наверное. А разве сама-то она не такая же дура? Кто миллион у кольца просил? Наташа прихлопнула двадцатого, наверно, комара на голой ноге, натянула пониже подол крестьянской юбки: а одежда-то эта откуда взялась? Где ее джинсики, маечка? Толстая, неровная ткань юбки колола пальцы – хенд-мейд, денег-то стоит… Стоп. Стоит, да не здесь.

– А в деревне-то что за беспредел творится?

– Чего? Какой предел? Да, будто бес всех попутал, с утрата у нас ужас один, – продолжала женщина, тоже ежась от холодка. – За долгами к молодому барину приехали лихие люди из города, да и соседи из-за колдуна осерчали, ищут его. Знаю только, что городские берут все ценное, что увидят

в деревне. Маня-соседка вона прибежала давеча – плачет, воет: разгромили всю ее избу, ребят перепугали… Хорошо хоть, доченек моих матушка третьего дня забрала к себе, она давно уж в избушке на краю леса живет, от людей подальше, еще при барыне ей разрешили, лекарка дак.… А я тебя пустила переночевать вчерась, пожалела, неужто не помнишь?

Наташа покачала головой. С луга налетел холодный ветер. Становилось все темнее, жутко пахло сразу всей лесной ботаникой – да как же она тут оказалась? Это что, все на самом деле? Колдовство? Колдун?! Лихие люди, драгоценности? Избушки на опушке? Как в кино… Ну все, теперь она попаданка. Модно, ага. Да толку-то. Как выбираться?

– То-то ты какая-то ошалелая… Вон, девка, как будить тебя стала, ты-то прям что не в себе: глазами вращала, меня не узнавала. А я смотрю, кольцо на тебе ценное, с каменьем, да и у меня украшения есть, что барыня-покойница моей матушке за верную службу подарила. Собрала, тебя позвала, да деру. Вот и побежали мы. Целее будем. Пересидим тут малость и потихоньку по темноте, леском да овражком пойдем к моей матушке домой.

Наташа посмотрела на кольцо: оно, затейливое и ветвистое, налилось камнем, похожим на бриллиант. Ой. Не было же на нем никакого камня, когда она доставала его из пожелтевшего конверта, а потом надевала на палец – что за странности! Наташа смотрела на кольцо – от шока в голове не было ни одной мысли. Что делать-то? Да уж, сбылись

мечты идиотки…

Снова прихлопнула комара, поежилась. От леса тянуло теплом и сосновым запахом, а с луга, из низины, тоскливой сыростью. На руке опять сверкнул камень, будто отразив проклюнувшуюся в темнеющем небе звездочку.

Ха. Все, как мамуля хотела: кольцо с бриллиантом. Только не от мужчины, а от бабки Ани. А бриллиант вообще не пойми от кого, от дьявола, что ли?

– …Не от дьявола! – голос в голове был громким и звучным, – Первый бриллиант – первый огонек! Запомни его, Наташенька, как запомни себя, бегущую по полю от людей лихих, испуганную и загнанную. Деньги трать по уму. Не влезай в долги без причины, не верь в заезжих молодцев, обещающих тебе райские кущи, даже если они колдуны. Особенно если они колдуны, – голос в голове рассмеялся.

Ну вот, я уже сошла с ума, – грустно отметила Наташа. – Голос в голове, барин какой-то, лихие люди… Пропала девка! Может, мне это все кажется? Снится? Что-то не похоже… Вот так с ума и сходят, наверно…

– …Нет, деточка. Все с тобой хорошо. Это я, твоя бабушка Аня, за тобой и кольцом приглядываю…

Глафира – голос ее выдернул Наташу из ее мыслей и заглушил голос бабки Ани – тронула Наташу за плечо:

– Ты что опять шалеешь? Неладно с тобой?

– И не поверишь. Запуталась я, голова кругом. Точно, ошалеешь тут.

– А пойдем-ка, Натальюшка, к моей матушке, Прасковья ее зовут. Укроемся у нее, переночуем, а там – утро вечера мудренее. Может, чего она тебе подскажет, она непростая у меня. Надоумит.

– Ох, Глаша, хорошо бы. Ничего у меня нет, есть только вопросы. А куда с ними идти, я не знаю. Наверное к каким-то мудрым людям… или к ведьмам. Может, ты знаешь таких?

– Если про жизнь вопросы твои, то может матушка моя тебе и ответит. Знахаркой ее кличут, а когда серчают – ведьмой. Она болезни заговаривает да помогает нашим, деревенским, коли что стрясется: и дочь кузнеца найти помогла, когда девчонка заблудилась, и сундук с наследством подсказала, где спрятан, когда у Матвея дед внезапно помер. Матушка моя сильна в делах чудных, говорю же, непростая. И богу молится, и старых богов не забывает. Пойдем уже, а то совсем темно станет.

Наташа вскочила – и ойкнула. Босиком через лес, в темноте? Лапти бы какие, что ль.

– Нежная ты, – Глафира засмеялась. – Ножки-то в самом деле как у барышни! Как же так тебя угораздило?

– Сама не знаю, – кое-как пересиливая себя, Наташа захромала за ней.

У самой Глафиры на ногах тоже ничего не было, но она ступала легко, будто все сучки и колючки ей нипочем. Она была оживлена, от былого испуга не осталось и следа. Одета она была в рубаху и простой серый сарафан, но, несмотря

на простой наряд, чувствовалось в ней какое-то изящество, благородство, что ли. Несмотря на простоту одежды, выглядела Глафира как актриса, играющая роль деревенской бабы, – столько в ней было изящества и грации.

Наташа мельком взглянула на свое кольцо: отчего-то в сумерках оно ярко сверкало и выглядело таинственным и магическим. Продолжаются чудеса, – смиренно подумала девушка. А что остается? Только терпеть и ждать, куда приведут приключения.

Глафира о чем-то говорила, что-то опять про свою непростую матушку, но Наташа слушала ее вполуха: они зашли в какую-то совсем темную глушь. Надо надеяться, идут они не к Бабе-Яге, – у Наташи озноб скатился меж лопаток. В таком лесу и в лешего поверишь. Пробираясь сквозь чащу, Наташа цеплялась босыми ногами за корни, сбивая пальцы в кровь, чудом не падая, а ветки хватали ее за волосы, как длинные руки жадных лесных существ.

– Сейчас совсем стемнеет, – заворчала Наташа, – тут, наверное, и звери хищные есть, не хватало еще, чтобы нас сожрали!

– Да какие звери! Не бойся, пришли уже почти!

И правда, бурелом и ветви раздвинулись, словно занавес в театре, и они оказались перед симпатичной опушкой, на которой стоял уютный домик: стены его были деревянными, а крыша украшена зеленым мхом.

Из трубы уютно поднимался дым, пахло чем-то вкусным.

– Прям картинка из сказок про Пряничный домик, только на русский лад! – восхитилась Наташа.

– А? Чего? – Глафира, торопясь, недослышала ее. – И то верно, матушка моя сказок знает – у, пропасть!

На порог со смехом выбежали две девчонки: одной было на вид лет десять, другая – помладше. Они радостно бросились к Глафире:

– Мама, мама! Мы и не ждали тебе сегодня! Бабушка говорила, что ты будешь не скоро!

– Милые мои! – Глафира радостно обнимала девчонок, целовала в простоволосые – и аккуратно заплетенные – головки.

Наташа увидела женщину в черной одежде, которая вышла из дома и удивленно поглядывала на Наташу и Глафиру. Невольно чуть поклонилась и сказала:

– Добрый вечер!

– Матушка! Здравствуй! Это Наталья, странница, сейчас все тебе расскажем, – заторопилась все объяснить Глафира, отпуская дочек и обнимая мать.

Прасковье на вид было лет шестьдесят: стройная, седая – на ней не было платка, а только какая-то узкая повязка, и по виду – женщина строгая. Держалась с большим достоинством, если не сказать – величием. И правда, не простая крестьянка. На ней было что-то вроде рясы и кожаного передника. На груди висело украшение на кожаной цепочке из каких-то непонятным магических букв и символов. Ведь-

ма ведьмой, одним словом… На Наташу она смотрела странно: и приветливо, и хмуро одновременно. Только и сказала:

– Пойдёмте в дом, там все и расскажете. Анька, Танька, – в избу!

Большой стол в красном углу избы встретил их ватрушками с земляникой и жарким теплом от печи, где, видно, весь день что-то варилось и пеклось. Пока Глафира рассказывала про их приключение, Наташа оглядывалась по сторонам. Именно так она представляла себе дом ведьмы: сухие пучки растений висели во всех углах и даже свисали с потолка; какие-то закопченные горшки разных форм и размеров, небось, с таинственными снадобьями, стояли на полках вдоль стен. Даже кот имелся, правда, не черный, но с черными полосками, спал себе на припечке, млея в печном тепле.

– А Наталюшка все молчит, – голос Прасковьи был глубокий и завораживающий. – Может, ты голодна, не ватрушек бы тебе, а щец да каши?

– Нет, спасибо большое, – Наташа смущённо потупилась. – Вопросы у меня к вам, Прасковья, важные есть. Совсем я запуталась, не понимаю, что творится, и тем более не понимаю, куда я попала. Можно спросить?

– Глафира, сходи с девчонками посиди у кострища, его надобно разжечь, традиция у меня такая: в это время нужен огонь во дворе, – отослала Прасковья дочь с внучками.

Те без единого слова вышли. Прасковья молча смотрела

на Наташу, и та почувствовала себя словно школьницей перед директрисой. Пересилила себя:

– Вы, Прасковья, Глаша говорит, знахарка, – начала Наташа. – Ведунья. Или даже ведьма.

– Ведьма – не ведьма, но кое-что могу, – усмехнулась та. – А что волнует тебя, Наталюшка? Что так тебя закрутило-замотало-то?

Наташа помялась. А потом вздохнула и рассказала все-все, как есть: про Дениса, про миллион, который ей так и не достался, и про то, как оказалась здесь, вроде как в прошлом.

– Всякие люди у меня бывают, – покачала головой Прасковья, как будто не удивившись ни рассказу Натальи, ни ее перемещению сквозь время. – Но ты… А скажи мне, зачем тебе вещи все эти богатые?

– Ну как зачем? – задумалась Наташа. – Чтобы выглядеть хорошо, чтобы мужчину найти обеспеченного, с деньгами.

– А зачем тебе богатый?

– Как зачем. Чтобы тратил деньги на меня, баловал, берег.

– А вдруг не будет?

– Как это не будет? – изумилась Наташа. – У него будут деньги, но он не будет их тратить на меня?

– Да. С чего бы ему тратиться-то? – ответила Прасковья, засмеявшись. – Вот барин покойный, не разрешал барыне даже ее наследство тратить, уж что говорить о его собственных деньгах. Сам их транжирил. Его право, его ведь деньги-то.

– Не все ведь жадные, – Наташа замялась. – Я найду щедрого, того, кто будет платить за меня и сделает мою жизнь яркой и дорогой.

– Да, – ответила Прасковья. – Такое бывает. Но какую цену заплатишь ты за такое богатство?

– Я? – Наташа поежилась.

– Вроде не девчонка ты уже, а ума не нажила… В детстве мы платим родителям за их дары послушанием. А дьяволу мы платим за богатство душой… Ну, а что ты готова отдать мужчине? Молчишь? То-то и оно. Если он платит, то и цену назначает он. И какую цену с тебя попросит мужчина – да ты знаешь ли?

Как-то неудобно было говорить этой старухе в черном, что вроде предполагается, что платить Наташа будет собой – своим телом, своим милым настроением, своей готовностью к сексуальным играм и всем таким прочим.

– А цена может тебе и не понравиться.

– Тогда что же… О, ну, так конечно, куда лучше, когда у меня свои деньги и свой миллион! И спать ни с кем не надо! Да где ж его взять, миллион этот?

– Ну, барышня, миллион – не миллион, но в жизни важно рассчитывать только на себя. Вон, моя Глафира схватила узелок и спасла приданое дочек. Хозяйство ведет, от зари до зари работает. А если бы на мужа рассчитывала? Когда он ещё из армии вернётся, если вернётся, – двадцать пять лет царская служба… А себя за деньги-то знаешь кто продает?

– Ну да, что не куплено за деньги, что просто возьмут и полюбят, то и не выбросят, дорожить будут…

– Ты не вещь, Наталюшка, чтоб тебя покупать. И цены себе ты, дуреха, еще не знаешь. А деньги – дело наживное.

– Значит, в отношения лучше заходить со своим капиталом, – задумчиво сказала Наташа.

Она мельком глянула на свое кольцо и заметила, что на нём появился второй камушек, второй бриллиант. Кольцо стало зрячим, живым, подглядывающим за Наташей.

– *Видишь, девочка,* – опять услышала Наташа знакомый голос бабушки Анны, – *женщины нашего рода сильные и рассчитывают на себя. А мужчины у них разные, и выбирать их можно по-разному, не только из-за денег. В этом наша сила, в этом наша мудрость и счастье: выбирать по сердцу, не оглядываясь ни на что.*

– Бабушка Аня, спасибо! – мысленно поблагодарила ее Наташа.

– *Утро вечера мудренее.*

– Утро вечера мудренее, – будто подслушав ее, сказала Прасковья. – Пойдем-ка спать, время позднее, день у вас с дочкой моей был тяжёлый. А на сеннике из трав сны снятся правильные.

В горнице, куда ее проводила одна из внучек Прасковьи, было тепло и густо пахло травами. Наташа сняла грубую юбку и, оставшись в рубахе, потушила огарок и легла под разноцветное лоскутное одеяло на мягкий, хрустящий травин-

ками и стебельками, застеленный льняной простыней сенник. Пришел толстый кот, устроился рядышком, замурчал. За окном шумел темный, дремучий, сказочный лес с лешими и бабами-ягами. Но в этой уютной комнате лес не казался чем-то пугающим, и его хвойный шум под порывами ветра убаюкал Наташу не хуже колыбельной.

Глава 4

Наташа проснулась, открыла глаза…

И увидела перед собой кошачьи уши, услышала мурлыканье.

– У меня же нет кота!

Она поскочила, резко села, захрустев и зашуршав сенником – кот в свою очередь прыжком балерины отпрыгнул от нее в угол горницы и оттуда с подозрением таращился на девушку. Наташа опомнилась: изба, девятнадцатый век, утреннее солнышко за маленьким окном. Она была в гостях у ведьмы Прасковьи и ее дочери Глафиры. В лучах солнца горница смотрелась очень уютно. Действительно, сказка какая-то.

Наташа нашла рядом с кроватью сарафан, видимо, вместо испачканной в лесу юбки приготовленный для нее заботливой рукой. Надев его, Наташа вышла из избы на полянку.

Все: Прасковья, Глафира и две девчушки – были в сборе и завтракали перед домом за столом, который Наташа вчера,

в сумерках не заметила из-за куста сирени. На столе на подносе пыхтел самовар.

– Видишь, сколько лет проработала у барыни – и сама барыней стала, – улыбнулась Наташе Прасковья, открывая краник самовара и наливая кипяток в чашку с розанами. – Соседи меня чурались, мол, с барыней повелась и всего всякого от нее нахваталась, причуды у нее, стол во дворе. А мне нравится! – она долила в чашку какого-то душистого травяного отвара и протянула ее Наташе: – На-ко, милая, садись с нами!

После завтрака, вместе с Глафирой отнеся все со стола в избу, Наташа подошла к Прасковье:

– Что я могу сделать для вас? Чем отблагодарить за гостеприимство? А то вы с Глафирой столько для меня сделали вчера.

– Что сделать, – Прасковья хмыкнула и как-то с хитринкой взглянула на Наташу. – Пойдем вон к амбару… Вот. Хотя бы перебери это зерно. Мне его принесла жена мельника в благодарность за помощь.

Наташа взяла тяжёлый мешок, развязала его и обомлела: в мешке было много крупы, но вся она была перемешана: горох был вместе с гречкой и рисом. Да кто ж натворил такое? Ох, правда как в сказке. Там вечно какую-нибудь падчерицу заставляют перебирать зерно… А в итоге, оказывается, учат отделять одно от другого, хорошее от плохого, зерна от плевел…

– Прасковья, а что нужно сделать с зерном всем этим?

– Перебрать вот на столе и разложить по горкам: горох отдельно, гречку отдельно, сарацинское зерно – отдельно.

– Это ж такая тяжёлая работа! Я не смогу!

– Работа непростая, но подъемная, давай научу тебя. Понесем вот мешок к столу… Садись. Ты сначала из мешка достань такое количество зерна, чтобы тебя оно не напугало.

Наташа долго отмеряла, но наконец получилось.

– Потом насыпь его на стол и примерься, в какие стороны какое зерно будешь грести. А потом бери и делай. Наберешь по чистой горстке – скажи мне. Вот и пойдет, зернышко к зернышку.

Наташа высыпала зерно на стол, посмотрела… И сказала, что ей надо сходить на двор, живот скрутило. Потом ей понадобилось расчесать волосы и переплести косу, затем она разболталась с младшей дочкой Глафиры, Танькой, и взялась учить ее с сестрой интересной игре, которую помнила с детства.

В середине этого писка и визга Наташа услышала голос Прасковьи:

– Наташа! Ты зерно разобрала?

– Ой, – спохватилась Наташа, – забыла!

Она подбежала к Прасковье с виноватым видом. Та неодобрительно посмотрела на нее, покачала головой… И к той кучке крупы, что лежала на столе добавила ещё такую же.

– Ой, что же вы делаете! – испугалась Наташа, – Я же никогда не справлюсь с такой горой!

– А это как в жизни, Наталюшка, – вздохнула Прасковья. – Пока ты не решаешь насущный вопрос, жизнь не ждет, а подкидывает новые и новые. Тебе было бы намного легче сделать все еще час назад, но ты отвлеклась, и вот – твоя работа удвоилась.

– Ох, – сказала Наташа, – мне это напоминает день зарплаты: когда она приходит, я не радуюсь, а тревожусь, потому что вся зарплата уходит на долги, которые у меня в прошлом месяце накопились. И вот у меня деньги, но я не спокойна, потому что проблем-то в два раза больше, как и этой крупы…

Прасковья развела руками:

– Ну, и кто виноват?

Озадаченная Наташа села, начала разбирать огромную гору крупы, а в ее голове постепенно формулировалась мысль: не подставлять себя, не усложнять себе жизнь, радоваться деньгам и тому, что они есть сейчас. И решать, как их потратить сейчас.

За этими размышлениями пролетело время. Огромная и страшная, как ей казалось раньше, куча крупы разделилась в три стороны чистенькими горками риса, гороха, гречки. И уже чистое зерно Наташа ссыпала в три разных горшка.

Она мимолётно глянула на руку и, вздрогнув, замерла: на кольце появился третий камень, похожий на аккуратный

носик у пока толком еще не сложившегося лица.

– Ага, вот и третий огонек появился, деточка! А значит он вот что: не ставить на себя ловушек, радоваться деньгам, а не закрывать ими долги!

– Наташа! – позвала ее Прасковья. – Просьба к тебе будет. Человек один в деревню приедет, у нас с ним встреча важная должна быть, недалеко от поместья. Место там одно есть – заброшенная беседка. Нельзя нам с дочкой на людях показываться, пока все так неспокойно, мало ли, как люди горе выместить захотят. Считают, я ведьма, Глафира – моя дочь, думают, тоже ведьма. В такое время завсегда виноватого ищут, а когда люди таким, как мы, боль свою прощали? Глупо рисковать, показываться. Греха не оберешься. Сходи ты, тебя не знает никто.

– Схожу, конечно. А что за человек такой?

– Денежный человек, Авраам зовут. Он много лет назад приехал в Петербург из Европы. Был он там ростовщиком, и в России остался верен своему призванию. В делах денежных нет ему равных: какие только сделки он не проворачивал – легенды ходили. Говорят, не угодил кому-то из парижской знати, так пришлось ему бежать срочно, прятаться в России. Лет ему, наверное под сто. Выглядит как демон: нос крючком, волосы седые, длинные. Глаза ясные, пронизывающие, читающие тебя насквозь. Знаю его уже лет тридцать, отношения у нас хорошие, временем проверенные. По-

могает он нам: меняет наши украшения на деньги и акции.

«Ух ты! – восхитилась про себя Наташа, – это же девятнадцатый век, небось крепостное право вон не отменили, а чем женщины занимаются. Какие они!» И незамедлительно согласилась, уж больно ей было интересно посмотреть на денежного человека.

Глафира принесла ей серенькую накидку из рядна, делающую Наташу незаметной, совсем крестьяночкой, и лапти:

– Чтоб ты не маялась, неженка!

– Глаш, а что мне говорить, если встретятся деревенские или эти, из города, всадники?

Легенду для Наташи втроем с Прасковьей они смастерили такую: Наташа – горничная из дома помещика Незлянского. Это был всем известный местный бирюк, нелюдим, дворню его знали плохо, потому как сам он все время сидел в своем поместье и людей своих никуда не пускал. Короче, железное алиби!

Наташа пошла на встречу с таинственным Авраамом и думала о том, как можно уютно устроиться в девятнадцатом веке. Достаточно быть ведьмой и свободной. Правда, такая комбинация – неслыханная роскошь по тем временам. И что уж говорить, рискованная, иначе бы сейчас Прасковья и Глафира не прятались бы от людей.

Авраама Наташа заметила издалека, место было глухое. Одинокий мужчина, стоявший возле покосившейся беседки,

бросался в глаза – он-то ни от кого не скрывался и ничего и никого, похоже, не боялся. Еще бы: Наташа увидела богатую, красивую карету с толстым кучером на козлах, сдерживающим упряжку красивых, гладких черных лошадей. Выглядело это все так же внушительно, как, скажем, огромные черные машины банкиров и олигархов в Наташины дни. Ишь, какие знакомства у Прасковьи! Интересно, а у Авраама-то какой к Прасковье интерес? Зачем ему крестьянские украшения?

Она помахала Аврааму рукой, но, вспомнив, что так не принято было в это время, приблизившись, сделала реверанс.

– Здравствуйте, барышня, – удивлённо сказал Авраам, разглядывая Наташу, —Вы ко мне? Вы кто?

– Меня зовут Наталья, Прасковья попросила встретиться с вами и вместо неё заняться бизнесом. Я ее родственница, сейчас у неё в гостях. Прасковья приболела, лежит, не встаёт. Она мне все рассказала о вашем деле, так что я вместо неё.

– Говорите вы, барышня, странно, речь у вас не как у местных, откуда вы? – улыбнулся Авраам

– Из Петербурга, – немного с жеманством ответила Наташа. Хоть здесь врать не пришлось!

– Жил я в Петербурге какое-то время, – задумчиво сказал Авраам.

Но не стал вдаваться в детали и спрашивать о знакомых – какие уж знакомые в столице у крестьяночки в накид-

ке из рядна! – и сразу перешёл к делу: с лесной вдовой Прасковьей он был знаком давно, еще когда она была крепостной.

– Прасковья женщина мудрая, всегда знала, как деньгами распоряжаться, куда их помещать, как преумножать. Таланты, – говорил Авраам, – ей такие от деда достались. Приятно с ней дело иметь. Да и я готов был предложить ей вольную выкупить, да барыня так отпустила. Души она в ней не чаяла, редко, но бывает такое. Ну, барышня, показывай, что принесла?

Авраам посмотрел на драгоценности, которые принесла Наташа: это было кольцо с ярко-красным камнем и ожерелье с жемчугом. Сел на скамейку в беседке, достал увеличительное стекло, долго разглядывал камни. Сказал, какую цену даёт, примерно так Наташе Прасковья и говорила, в ценовой диапазон старик попал точно.

Потом они обсудили те варианты, которые Авраам предлагал по вложению денег: новые акции появились на рынке, например, Азовского кредитного банка, или, скажем, Общества взаимного кредита, и новые облигации. Просил передать свои предложения и слова Прасковье, та давненько интересовалась финансовым рынком.

В это момент Наташа, хотя она и была посредницей, почувствовала гордость за Прасковью. Та сделала невозможное, освободилась, получила вольную на себя и дочь с внучками, вся деревня к ней с уважением относится, кто-то даже боится. И теперь эта женщина-крестьянка живёт отдель-

но там, где хочет и меняет какие-то таинственные драгоценности на деньги и ценные бумаги.

Для Наташи слова «ценные бумаги» всегда были из какого-то иного мира: из мира по-настоящему взрослых, недостижимых людей, которые легко решают взрослые вопросы, связанные с бизнесом, акциями, недвижимостью и крупными покупками. Ей казалось, что эти люди живут в кино и где-то еще, отдельно, как будто в каком-то отдельном, параллельном, изолированном мире для таких вот особенных умных взрослых людей.

Но тут она сама вдруг оказалась знакома с ними, более того, она – представитель вот такой особенной женщины. Наташей овладела гордость, чувство спокойствия и наконец-таки… удивительно, но соответствие своему возрасту. «Мне тридцать один, и ведь я сама могу управляться с финансами тоже, – подумала она, – я ведь хорошо зарабатываю и могу купить ценные бумаги и позаботиться о своем будущем!»

Они с Авраамом говорили о ценных бумагах и о том, что сейчас происходит на столичном финансовом рынке. Наташе было очень интересно, казалось, что она наконец-таки получила пропуск в мир взрослых денег, и даже неважно, что это девятнадцатый век, а не двадцать первый. Главное – понять принцип!

Если до этого она могла туда заглянуть одним глазом лишь с помощью мужчины, который о ней позаботится и возьмет ответственность за ее жизнь и финансы… То сей-

час пришла уверенность, что она сможет это делать сама. Ух ты! Ощущения были новыми и захватывающими.

В завершение Авраам поблагодарил ее и сказал слова, потрясшие девушку до глубины души:

– Что меня всегда удивляло в Прасковье, так это ее стабильность: она из года в год заботится о своих накоплениях, как о цветах, поливает их и удобряет. Передайте ей мое почтение, Наталья.

С этими словами старик откланялся и ушел к карете. Глядя, как карета мягко тронулась с места и стала удаляться по узкой дорожке меж елок и осин, Наташа вспомнила свои гусарские срывы в кутежи, неудачные попытки куда-нибудь инвестировать деньги, дурацкие закупки на маркетплейсах всякой ненужной ерунды. Вспомнила свои ошибки и стыд за то, что она залезла туда, где ничего не понимает. Она помнила свои клятвы, что никогда не будет заниматься этим, пусть это делают мужчины. Она вспомнила маму, закладывающие подарки мужчин в ломбард… И ведущую позорно жалкий образ жизни под старость без надежды что-то изменить к лучшему. О маме тоже надо позаботиться… Наташа горько заплакала. Почему ей никто никогда не говорил, что финансы тоже надо растить? «Планомерно, из года в год удобрять свои финансы». Почему такая простая вещь не приходила ей в голову?

В ее семье отношение к деньгам всегда было похоже на джек-пот или на набег на «Поле дураков»: быстренько

выкопать денежное дерево вместе с золотыми монетами, пока никто не спохватился. Схватить, утащить, обольстить, убежать… Эти глаголы были привычными соседями слову «деньги». Какой позор.

От несходства этих двух миров было больно, и Наташа горько плакала, уткнувшись носом в дерево. Казалось бы, Америку она не открыла, но степень потрясения была примерно такая же. Да, планомерные действия, да, они скучные, обыденные, но это те действия, которые приносят стабильность жизни, причем моей собственной!

Вытирая лицо шершавым рядном, Наташа заметила, что конфигурация кольца опять изменилась: ещё один маленький бриллиант появился снизу, делая узор кольца похожим на незавершенную рожицу, нарисованную ребенком.

– *Внученька, самые верные истины обычно приходят к нам через боль*, – голос бабушки Ани звучал внутри грустно и серьезно. – *Вот и одна из них пришла у тебе, одна из самых важных. Это четвертый огонек на твоём кольце.*

Наташа вернулась к Прасковье и Глафире заплаканная, но довольная. Женщины сначала забеспокоились, увидев мокрые глаза Наташи, но после рассказа обняли ее.

– Добрые мысли пришли к тебе, – просто заметила Прасковья и развела руками. – Ведь самое важное, когда слова не просто заходят в голову и рассаживаются там как гости, а когда они начинают жить в сердце и устраиваются там, как

у себя дома. Ты пустила эти слова в сердце, теперь ты знаешь, что есть для тебя истина. Мой дед-травник учил меня: все надежные, постоянные явления в мире требуют времени: камень точится волной, пока не станет гладким и ровным – годами, дерево растет и крепнет – годами, даже человек растет во чреве матери много месяцев. Ты закладываешь фундамент важного для тебя: любви ли, дружбы ли, богатства ли, и вкладываешь в это, наблюдая за тем как оно растет и множится.

Девочки играли возле дома, но прибежали, увидев, что женщины что-то серьезно обсуждают.

– И наши девочки, – Прасковья обняла их, – Мы им передаем то, что нашли в своей жизни, в своей судьбе. Наши деньги и то, как ими распоряжаться, мы с Глафирой передадим им так же, как и уменье печь хлеб или садить свеклу.

– Или как перебирать зерна, – сказала старшая девочка, весело глядя на Наташу, – мы перебрали полмешка, пока тебя не было.

– Как так? – удивилась Наташа.

– А это ещё одно правило, – засмеялись женщины. – Если ты в чем-то не сильна – проси помощи у тех, кому дело дается легче. Девчонки-то лет с трёх помогают нам по хозяйству, а перебрать крупу – это для них раз плюнуть!

Наташа весело засмеялась, закружила девчонок и пылко их расцеловала:

– Какие вы умницы!

Кольцо ярко блестело на солнце, Наташа присмотрелась и увидела улыбающуюся рожицу из бриллиантов. Пять бриллиантов, пять огоньков. И рожица, такая знакомая, вдруг подмигнула и запела:

– Вставай-вставай! Глазки открывай! Вставай-вставай!

Что это она? Куда вставать? – удивилась Наташа.

Но все вокруг нее закружилось, завертелось: домик, лес, девочки, силуэт Прасковьи. Все смешались в один пестрый хоровод, над которым висела рожица и пела:

– Вставай-вставай!

Глава 5

И Наташа проснулась. Она открыла глаза, как и хотела бриллиантовая рожица, и увидела свою спальню. Из приоткрытой форточки несся шум большого города. Посмотрела на себя: на ней было платье, в котором она ходила в офис, и спала она прямо на покрывале.

– Ничего себе я вчера как уснула-то, как меня разморило! И сон какой снился, как будто со мной это в реальности происходило… Прасковья, Глафира, Авраам – такие реальные, а оказались сном… Ой! А кольцо с бриллиантом-то? – спохватилась Наташа.

Она посмотрела на указательный палец и увидела на нем серебряное кольцо с серебряными веточками и листиками. Никаких бриллиантов. Хм, очень жалко, эти бриллианты

что-то же обозначали… И появлялись не просто так!

Наташа задумалась… Протянула руку к телефону: был понедельник, десять утра, на работу спешить не надо, по понедельникам их центр не работал. Что же там было во сне… Она открыла заметки и стала вспоминать.

Первый бриллиант появился, когда мы с Глафирой были в лесу, что он означал?

1. Не плоди долги, не верь колдунам и заезжим молодцам, обещающим богатства за просто так.

Второй бриллиант-огонек появился, когда она в лесной избушке говорила с Прасковьей, и та сказала, что отношения с обеспеченным человеком – не равно билет в счастливую жизнь.

2. Строить отношения, рассчитывая на свой капитал, так я тогда сформулировала, – записала эту мысль Наташа. – Кстати, такой подход годится не только в отношениях: он неплох и в дружбе, и в рабочем партнёрстве, и при устройстве на работу.

Что же там ещё было?

Утром я спросила, чем могу помочь Прасковье, и она предложила мне разобрать крупу. Я долго собиралась, отвлекалась и, когда наконец пришла, она добавила к моей маленькой кучке ещё одну, так, что мне дело показалось неподъемным. И я сказала, что мои ощущения похожи на то, как я зарплату получаю, потому как вроде вот они деньги, но они сразу идут на покрытие расходов, которых больше,

чем зарплаты, и это вызывает тревогу, потому что на другие важные вещи и дела денег не остаётся. Как же я тогда все это записала… Наташа потеряла висок. А, вот:

3. Не ставить на себя ловушек в виде лишних расходов, радоваться деньгам, предвкушая то, как я их с умом распределю.

– Какой насыщенный сон, – думала Наташа, погружаясь мысленно в детали ею пережитого. – Что-то было ещё… Когда я пошла на встречу с Авраамом, он мне что-то сказал, а я потом плакала. Что же… А, вот :

4. Растить финансы постепенно, как дерево, потому что это долгосрочный проект.

Да, я помню, как это сильно контрастировало с разгильдяйским подходом моей мамы. Да и бабушки тоже, той, маминой.

И что-то было ещё… Ведь рожица была из пяти бриллиантов… А, когда я пришла, оказалось, что девочки мне помогли с зерном. В делах хозяйственных они меня на голову выше. И Прасковья тогда сказала, что помощь от тех, кто знает лучше – штука полезная. Ей-то не знать, вон сколько лет она с Авраамом общается. Тогда пятый огонек про такое:

5. Если ты в чем-то не разбираешься, то лучше попросить помощи у тех, кто в этом хорош.

Отличная идея! А то вокруг меня столько людей, которые знают, как потратить деньги, но вот как их приумножить – совсем никого нет. Разве что Денис, но, похоже, он –

та дверь, которую надо закрыть. Да и если честно, он мне совсем и не нравится.

Наташа посмотрела на записи в телефоне: от них было тепло и уютно, словно Прасковья накинула на нее вязанную шаль.

Что ж… Спасибо вам мои дорогие обитательницы сна! И тебе спасибо, Авраам.

А вот кого надо поблагодарить за кольцо и бабушку Аню, ее доброго проводника! Наташа набрала номер мамы, та на удивление быстро взяла трубку и оказалась трезвой:

– Привет, дочка!

– Мама, доброе утро. Чего это ты не спишь?

– А у меня утро доброе нынче, я рано легла, рано проснулась, какой-то светлый сегодня день, не пойму, почему…

– Ну и хорошо, родная! Мама, скажи, это ты мне отправила письмо? В пожелтевшем конверте, от бабушки Ани? – выпалила Наташа и зажмурила глаза, ожидая криков, слез и ещё черт знает чего.

В маме этого всегда было много, как в старой шкатулке, где чертик на пружине выпрыгивал наружу, пугая ее маленькую до слез.

– Да, положила тебе в ящик письмо от Анны. Забыла я совсем про него, замоталась с переездами этими. А тут недавно с тобой разговаривали, вспомнила про свое кольцо, Арсеном подаренное, и про то, что тебе-то твой кавалер кольцо не подарил. И мысль прям иголкой в мозг вонзилась: Анна,

ведьма старая, все про кольцо для моей Наташи твердила. Все уши мне прожужжала. Мол, отдай да отдай ей на пятнадцатилетние, так положено в нашей семье. Ничего, что вы с Николаем в ссоре, это другое, а девочка-то наша. Я тогда злая была на твоего отца, на его мать, на весь свет, взяла письмо и куда-то запихала. А потом и вовсе не до того было, помнишь, как всё тогда у меня завертелось. Тут вот вспомнила, полезла в старые бумаги – и вот он, конверт, в нем что-то твердое было, небось, кольцо. Я тебе в ящик и положила, хотела сделать сюрприз.

– Ой, мама, твой сюрприз удался!

– Хорошее хоть кольцо?

– Самое лучшее!

– С брильянтами?

– Практически мама, практически.

– Как это? Ладно, пусть хоть у тебя будет такое! Читала, что если у детей есть то, чего не было у родителей, то значит, все хорошо я в твоём воспитании сделала.

Наташа промолчала, чтобы не ввязываться в дискуссию, поблагодарила маму. Пусть верит в хорошее. Как-то надо матери помочь…

Интересно, что бы было с ней, если бы она получила это кольцо и письмо в пятнадцать лет? Как бы сложилась ее жизнь и судьба? Может, этот бесконечный круг из мужчин, жажды красивой жизни и хронического недовольства собой прекратился бы, так и не начавшись?

Наташа задумалась, ее руки привычно готовили кофе. Нет, в пятнадцать я была настолько наивной, верящей в единорогов и принцесс, что все было бы зря. Получается, что сон, кольцом навеянный, мог помочь мне только сейчас, когда у меня накопился вот такой неприятный опыт. И в него, как в землю, возможно стало посадить семена от Прасковьи. Правильно говорят, что человек может услышать и понять только то, что готов услышать, и тогда, когда готов понять.

«Семена от Прасковьи» – звучит, как начало какого-то детектива. Наташа улыбнулась, погладила кольцо. Потом, вспомнив вчерашний вечер, потянулась за письмом от Анны. Она ещё кое-что вчера не заметила: в письме была фотография. Чёрно-белая, очень старая, даже не фотография – дагерротип девятнадцатого века. На ней была изображена семья: взрослые суровые неулыбчивый женщины, серьезные дети, две девочки. Женщины показались знакомыми. Да и девчонки… Танька и Анька?

А с другой стороны была надпись: «На долгую память внученьке Аннушке от бабушки Прасковьи. Помни свои корни, в них твоя сила».

Елизавета Белова

Предисловие

Я узнала о писательском проекте от Наташи Кирюшиной, в котором она уже давно принимает участие. Когда запретили нельзяграм, я была рада, что больше не нужно тратить по два часа в день на «причесывание» текста – ведь мой внутренний перфекционист и чувство ответственности всегда заставляли меня бояться допустить ошибку. Теперь появилась свобода и время.

Мне, как специалисту, хотелось проявить себя, но как сделать это в комфортной обстановке, мягко и безопасно? Выступать на сцене или заявлять о себе публично – для меня это был бы высший пилотаж и одновременно страшный страх; я всегда завидовала тем, кто способен на такое. После школы у меня возникли большие трудности с публичными выступлениями, которые преследовали меня всю сознательную жизнь.

Несколько лет назад у меня возникла мысль: может, стоит попробовать писать что-то более значительное, чем посты в соцсетях? Может, так я смогу соприкоснуться с публикой через бумагу?

Я была в отпуске, и внезапный звонок Наташи стал

для меня неожиданностью. Её предложение показалось мне невероятным и трогательным. Прочитав оставшиеся темы, я поняла, что именно эта тема ждала и искала меня. Всё происходит в своё время.

Я хочу поделиться своими отношениями с сестрой, её парентификацией – это своего рода «экстренное взросление»: процесс, при котором поведение родителей (или других близких) вынуждает ребёнка брать на себя ответственность и роль взрослого человека. Хочу рассказать о той роли, которую она сыграла в моей жизни. Мне важно узнать, что я не единственная, кто сталкивается с подобной ситуацией. Эта история для меня гораздо важнее как для человека, нежели специалиста.

В первой главе вы погрузитесь в мечту, которая, казалось, никогда не сбудется.

Во второй главе вас ждет реальность, в которой я прожила значительную часть своей жизни.

Третья глава посвящена тому, как ведущие психологи в области семейной терапии видят проблему «исключенного», и какое влияние это оказывает на всю семейную систему и на самого человека.

Четвертая глава коротко расскажет о трёх «исключенных» в моем роду.

Пятая глава важна для понимания общей темы книги, а также содержит несколько рекомендаций.

Формат, в котором написана моя история, называется «автофикшн». Это достаточно откровенный жанр, особенно для того, кто никогда раньше не писал тексты длиннее поста в социальной сети. Возможно, последние такие опыты были у меня еще в школе, когда мы писали сочинения.

Тема повести «Молчанье на века» затронула меня непосредственно, прямо в сердце. Дальнейшую историю вы узнаете ниже.

Для меня большая честь рассказать вам свою историю. Надеюсь, что те, кому близка эта тема, найдут отклик в своих сердцах, поймут, что они не одиноки, и я буду рада любой обратной связи.

Приятного чтения!
Лиза Б.

Молчанье на века

Глава 1. Мечта

Раздается звонок, и я сквозь сон поднимаю трубку:

– Алло!

– Але-але!!! Привет, это я! Ты что, спишь? Я наконец-то прилетела, все в порядке, проснись! – на другом конце провода кричит моя сестра.

Я спросонья ничего не понимаю, но постепенно ко мне возвращаются чувства счастья и осознание происходящего:

– Как я рада! Ты так долго была без связи, я не могла дозвониться! И сообщения не доходили… Слава богу! Как устроилась? – спрашиваю я.

– Замечательно, – отвечает она. – Я не ожидала таких приключений на пути, но расскажу по приезде. Сейчас пора бежать. Пока-пока.

Я тихо говорю:

– Пока…

И нежно потягиваюсь. Осознание того, что моя сестра благополучно добралась до места назначения, приносит мне спокойствие. У нее там какие-то танцевальные тусовки, встречи… Молодец! Занимаясь спортом, она действительно продлевает свою жизнь.

С легким сердцем и внутренним успокоением я начинаю встречать новый день, новый мир. Мысли продолжают кружиться в голове, и я грежу, представляя, как моя сестра проводит время со своим коллективом, получая невероятные впечатления, радость и счастье, а также то лёгкое жжение в теле от усталости на тренировках.

Когда я повзрослела и стала более осознанной, мы начали поддерживать друг друга во всех наших начинаниях. Никого ближе в моей жизни нет, чем сестра. Ее жизненный опыт, философия и взгляд на мир схожи с моими.

Когда мы росли, я и представить не могла, что мы станем такими близкими друзьями, ведь разница в возрасте между нами составляет более десяти лет. Когда моя сестра вступила во взрослую жизнь, я была еще совсем маленькой девочкой и смотрела на нее с восхищением и завистью, потому что ей уже многое разрешалось, а я должна была слушаться родителей. Как в одном прекрасном фильме было сказано про героиню: «Студентка, спортсменка, умница и просто красавица». Эти слова идеально описывают мою сестру. Она с детства обожала танцы, и когда ее дети немного подросли, она вернулась к своему увлечению. Восторг!

Я всегда чувствовала любовь и поддержку в ее словах и поступках. Сестра поддерживала меня во всех начинаниях, даже самых безумных.

Помню, как однажды я попросила ее пойти гулять в лес у нас на даче, хотя уже смеркалось. Мне тогда очень хоте-

лось! И сестра согласилась. Мы не смогли найти фонарик и взяли свечи. Кто гулял по лесу со свечами в сумерках и искал грибы? Это были мы! Это было невероятное приключение, полное смеха и веселья. Останавливаясь возле каждого дерева в поисках грибов – конечно, в итоге ничего не нашли, но это было приключение, которое нас объединило.

Вот оно, счастье: идеи, объединяющие нас вместе. Любовь. Было ощущение безудержного веселья, радости и ребячества!

Ещё помню, как всей семьей отдыхали в лесу под Лодейным Полем (районный центр в Ленинградской области). Родители собирали грибы, а мы баловались. Папа много ловил рыбы, и однажды он рассказал нам историю: если вытащить сердце щуки и положить его в воду, оно будет биться еще сутки. Мы долго просили его оставить из улова сердце, и наконец это случилось, папа поймал щуку и отдал нам ее сердце, а мы положили его в ведро. Была организована вахта по отслеживанию сердцебиения щуки. Конечно, нам это быстро надоело, но эта история нас объединила, и было удивительно наблюдать, как сердце продолжало биться на следующий день. Мы, как юные натуралисты, исследовали этот феномен и разделяли удивление друг друга.

Много воспоминаний связывают нас. Помню, как я возвращалась из школы, а меня встречал горячий обед, потому что моя сестра ждала меня. Она изо дня в день с интересом спрашивала, как прошел мой день в школе, что нового я

узнала. Я каждый день с трепетом и воодушевлением спешила домой, чтобы поделиться своими маленькими радостями. Я ощущала тепло, заботу, принятие и поддержку.

– Привет!

– Привет! Как прошел твой день?

– Ох, я устала. Сегодня я писала контрольную работу и снова не поняла задание по математике. Ещё мне прилетело учебником по голове. Мальчику за мной не удалось списать, и он так разозлился, что швырнул им в меня. В общем, непонятно, что важнее было – контрольная или разборки, но было забавно!

– Ничего себе! Как он посмел? Пойду с ним разберусь! Как его фамилия?

Мне было приятно, когда сестра стремилась меня защитить от того, кто причинял мне боль. От этого я хотела казаться еще более слабой и беззащитной, лишь бы сестра всегда спешила на помощь, лишь бы я всегда была дорога ей.

У нас с сестрой разные отцы, но это никогда не мешало нашему единству. Чувства любви и защиты, сплочение всегда были между нами. Я точно знала, что, если обратиться за помощью к ней, она поспешит на помощь!

Когда я подросла, сестра уже была замужем, скоро появился и ребенок. Мне всегда хотелось быть рядом с ней, с ее семьей, поддерживать ее и радоваться важным моментам ее жизни.

Глава 2. Реальность

Более двенадцати лет тишины…

Как так получилось? Сама не знаю! А может быть, и знаю!

Когда я рассказываю новым знакомым, что у меня есть старшая сестра, с которой я не общаюсь уже много лет, в их глазах я вижу удивление, непонимание, возможно, даже недоверие. Как в этом мире можно не общаться с родным человеком? Все это я, конечно, принимаю, но мне сложно, грустно, больно, страшно, печально и одиноко.

Думаю, стоит рассказать все сначала. Да, эта история видна лишь с моей стороны, как это выглядит с другой, я не знаю. На данный момент у меня многолетний опыт терапии, и думаю, что трагедия, которую я переживала, оставила глубокий отпечаток в моей жизни. Первые шесть лет основные вопросы в терапии касались отношений с сестрой. Даже когда мне казалось, что все решено и все слезы выплаканы, они снова и снова изливались наружу. Однажды я даже поделилась с близким, что готова пойти на контакт, но меня вернули к реальности, напомнив, что боль в отношениях останется прежней, даже если они возобновятся. Поэтому я не стала выходить на контакт.

Итак… Некая предыстория. У нас разные отцы. Когда я родилась, мама и сестра уже три года жили с моим отцом.

Это был 1983 год, прекрасный сентябрьский день в Ле-

нинграде. Я родилась в достаточно большой квартире, где жила с бабушкой, дедушкой и старшей сестрой. Разница в возрасте составляла у нас почти одиннадцать лет. Что может твориться в голове у подростка, когда мама выходит замуж за другого мужчину и рожает ребенка? Мне даже трудно представить!

Ну вот и я! Мама ждала двойняшек или близнецов, а получилась я – очень-очень пухленькая (забавно). Мне всегда казалось, что я любимый ребенок. Надеюсь, это так, или тут ключевое слово – «казалось»?

Мое первое воспоминание о сестре: мы пошли гулять в соседний двор, и я разодрала коленку об отогнутый кусок жести, попытавшись летом скатиться по железной горке – такие одиноко торчали тогда в советских дворах, а уж сколько травм они причинили ребятне, не перечесть. Кто помнит такие горки? Сестра очень испугалась, вероятно, думая, что ее будет ругать мама, и скорей потащила меня домой. У меня это единственное воспоминание о том, когда мы гуляли вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.